

Хокусай, Бумпō и моти, или Пища богов, детей и каратистов

Е. С. Штейнер

НИУ «ВШЭ», Japan research Centre, SOAS, University of London

В Шестом выпуске «Манга Хокусая» («Хокусай Манга» 北斎漫画, далее *MX*)¹ картинки предваряет весьма любопытное предисловие, которое, по сути, является не введением в представляемый альбом и даже не просто восхвалением Хокусая, а скорее, гимном, в меру возвышенным и в меру юмористическим, посвященным моти 餅. Его автор, некий Сёкусандзин, он же Бумпō, на двух страницах представил поэтическо-гастрономический каталог рисовых колобков (или лепешек) моти, в который искусно вплел ключевые эстетические, историко-художественные, мифологические представления и обрядово-ритуальные обычаи Китая и Японии. В результате этот текст интересен не только и не столько в контексте *MX*, но и как самостоятельное произведение — этакое введение в мотисофию, а также мини-трактат по истории дальневосточной живописи и религиозно-эстетическим категориям.

Об авторе предисловия известно немногое. Этот Сёкусандзин 食山人 был учеником другого Сёкусандзина (более известного под именем Ота Нампо), который написал предисловие к третьему тому *MX*. (Первый иероглиф в имени учителя сёку — 蜀 — означает «сурго».) Наш Сёкусандзин (1768–1829) родился в Эдо, занимался чаеторговлей и носил фамилию Имаи 今井 и прозвище «Кюэмон из Черепаховой лавки» (Камэя-но Кюэмон 亀屋久右衛門), хотя основное время тратил на сочинение комических стихов кёка под псевдонимом Сёкусандзин или Бумпётэй Бумпō 文宝亭文宝, что без ложной скромности означает «Литературное Сокровище из Павильона Литературного Сокровища». Впрочем, как мы увидим, он имел на это все основания. Эрудиция его и способность играть словами достойны всяческого восхищения, но делают всякий перевод лишь приблизительным, а главное, мучительно трудоемким. Помимо моего перевода, выполненного в 2010 г., существует перевод на английский Ричарда Лэйна², разнотечения с которым я оговариваю в комментарии, и русский пе-

ревод Аллы Коломиец, сделанный, судя по некоторым особенностям, не без сильного влияния Лэйна³.

Но сначала несколько слов о моти.

Это маленькие колобки (иногда плоские треугольники или лепешки, с начинкой и без), изготавливавшиеся из клейкого риса *Oryza glutinosa*. Рис на ночь замачивали, потом варили в деревянных емкостях на пару, а потом отбивали до состояния однородного теста или клейкой пасты. Для отбивания моти (мотидзуки) традиционно используют деревянные ступы *усу* 臼 и огромные молоты *кинэ* 槌. Точное происхождение моти и время возникновения связанных с ним обрядов в точности неизвестно. Возможно, моти пришли из Китая — и если так, то очень рано. Из археологических данных следует, что в поздний период Кофун (VI в.) существовали керамические сосуды для варки риса, который потом могли обрабатывать как моти. В «Бунго фудоки» приводится история про то, как в уезде Кусу в годы Тэмпē (728–748) богатый крестьянин из излишков риса наделал моти и стал стрелять в них из лука — в результате чего моти превратились в белых птиц и улетели, после чего хозяйство его расстроилось, а сам он заболел и умер, поскольку «бог счастья» покинул его поле. В «Окагами» (XI в.) моти упоминается применительно к императору Дайго, который проводил обряд кормления моти новорожденного принца на пятидесятый день его жизни. В конце периода Хэйан моти упоминаются в качестве жертвенной еды, приносимой императором в сезонных обрядах, а с эпохи Камакура стали известны хисимоти 菱餅 (ромбовидные моти) и кагами моти 鏡餅 (о которых речь пойдет дальше). Сцену подношения моти Хокусай изобразил в нижнем правом углу Начального выпуска *MX*, на странице 9г. Там стоит в поклоне синтоистский жрец (каннуси神主) с помощником. Жрец совершает обряд очищения (хараи или хараэ 祛), брызгая воду специальной метелкой (хараэгуси 祛串), сделанной из нарезанных и особым образом сложенных полосок бумаги (гохэй 御幣). Помощник жреца несет на подносе ритуальный колобок (здесь, скорее, шматок) моти.

Вернемся к предисловию Сёкусандзина:

Лошадь, сходящая ночь за ночь с картины, чтобы поесть кусамоти⁴, или олень, сходящий ночь

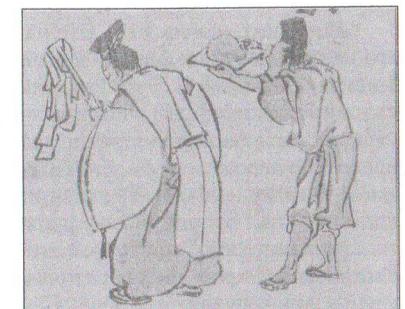

Рис. 1. I-9г

³ Коломиец А. С. Манга. М.: Наука, 1967. С. 131.

⁴ Кусамоти 草餅 (букв. «моти с травой») — изделия (в виде колобков или больших пластов для последующей нарезки) из отбитого рисового теста нежного зеленого цвета, который дает подмешанное в тесто истолченное растение *хахако-гуса* (букв. «мать-дитя трава» — разновидность сушеницы, лат. *Gnaphalium uliginosum*, англ. cudweed). Сладкое (насколько японские сладости вообще могут быть сладкими) лакомство.

¹ Издано в 1817 г. в издательствах «Эйракуя» (Нагоя) и «Ханабусая» (Эдо). Подбор и издательскую обработку осуществляли ученики Хокусая Тотоя Хоккэй 魚屋北溪, Кацутика, он же Тёэнро, Хокусэн 斗円樓北泉, Гэккотэй Бокусэн 月光亭墨巒, Кацутика, он же Тёнансай, Хокуун 東南西北雲.

² В книге: Michener J. A. The Hokusai Sketchbooks. Selections from the Manga. Rutland, Vermont; Tokyo: Charles E. Tuttle, 1958. P. 24.

за ночью с картины, чтобы поесть охаги⁵... Говорить об этих примерах воистину абсурдно⁶, и сотворить таковое чудо правдоподобия недоступно любителю. Такие «моти» сделает лишь настоящий мастер⁷.

И вот перед нами картины Достопочтенного Тайто⁸, в которых есть и пульсация энергии ци⁹, и живое движение, и структурный костяк¹⁰...

⁵ Охаги お萩 — колобки из вареного риса, покрытые сладкой пастой из соевых бобов.

⁶ Слово «абсурдно» («нелепо») по-японски бакабака 馬鹿馬鹿, что буквально означает «лошадь-олень-лошадь-олень». Классическая легенда об оживающих картинах понадобилась автору предисловия, чтобы изящно поиграть со словами. Он ведет к тому, чтобы сказать: «Хоть это и звучит абсурдно, но Хокусай такое может». Хокусай, кстати, изображал этот сюжет — лошадь, ускакавшую со свитка (см. XI-261 вверху слева). В основе его лежит легенда о художнике-лошаднике Хань Гане 韓幹 (ок. 706–783), который всегда рисовал своих лошадей привязанными, чтобы они не убежали. Но в сборнике 11 изображен не Хань Гань, а японский художник Косяно Канаока 巨勢金岡, художник эпохи Хэйан (IX в.), который на дверях императорского дворца изобразил коня столь живым, что тот соскочил и подошел к соседней створке, чтобы полакомиться нарисованной там растительностью.

⁷ Автор продолжает свои ассоциации с моти и приводит поговорку «Моти-ва мотия» 餅は餅屋 (букв. «Моти — мотишик», т. е. «[Настоящие] моти [только профессиональный] мотишик (мое словообразование по типу «булочник») [хорошо сделает]». Иногда говорят «Мотия-ва мотия»: «Мотишик есть мотишик», т. е. мастер — это мастер. Иллюстрацию Хокусая к этой поговорке см. дальше в тексте.

⁸ Тайто 戴斗 — одно из имен Хокусая, которым он пользовался во время работы над первыми выпусками МХ (точнее, с 1812 г. по 1819 г.). Это сокращение от Тайхокуто 戴北斗 (Корона созвездия Большой Медведицы). Как и «Хокусай», это еще одна вариация на тему Полярной Звезды, последователем культа которой был художник.

⁹ Киин (кит. циунъ 氣韻). Это начало Первого закона живописи Се Хэ. Вторую его часть я передаю как «живое движение» (сэйдо 生動). Китайский теоретик живописи Се Хэ (謝赫, 479–501) в сочинении «Гухуа пиньлу» («Заметки о категориях старинной живописи») составил знаменитые Шесть законов, которым с тех пор следуют китайские и японские художники и которые вот уже сто лет пытаются адекватно передать и объяснить западные специалисты. Первый иероглиф — это ци (всепроникающая вселенская энергия, живительная сила, дух природы, создающий жизнь). Второй — юнь: рифма, ритм, пульсация, резонанс. Вероятнее всего, художнику надо поймать нечто, отчего его картина начинает резонировать с мировым эфиром (ци), и эта пневма (опять же ци), одухотворяя ее (ци), начинает с ней в лад пульсировать (юнь). По-русски существует неплохой вариант Е. В. Завадской «одухотворенный ритм живого движения» (Завадская Е. В. Эстетические проблемы живописи старого Китая. М.: Наука, 1975. С. 304). Каким-то странным образом Лэйн не отметил, что это первый и половина второго закона Се Хэ, и перевел киин как grace (Michener J. A. Op. cit. P. 24). На этом у Коломиец выросла «грамция». Также вслед за Лэйном она написала «Ван Вэй» вместо Макицу (см. примеч. 13) и запуталась в транскрипции имени Ли Сысиона по Уэйду-Джайлсу (Li Ssu-hsun). Родился «Ли Сю-син» (Коломиец А. С. Указ. соч. С. 131).

¹⁰ Это первая половина Второго закона Се Хэ, букв. «кость-кисть» (коглō, кит. 骨法). Имеется в виду структурный рисунок с четкими линиями. (Позднее будет разработан метод «бескостной живописи».)

Его передача подлинности — это как та лошадь, поедавшая сладкие моти¹¹.

Такое подробнейшее изображение всех мириад вещей даже чердак¹² Макицу¹³ и Ри Сикуна¹⁴ превратит в сухие моти¹⁵.

И поскольку это так, успех в мире сих «разнообразных картинок»¹⁶ оказался и для книжных лавок настоящим моти Большого счастья¹⁷. Далее скажу. В обряде «раскрытия очага» выкладывают по три и-но моти и нэ-но моти¹⁸, что вместе составляет шесть — а это как раз стало количеством выпусков [Манга]. К последнему меня и попросили написать вступление.

Получив таковую просьбу, принял я толочь свои моти, и вот — что изо рта упало, то на кисть попало. Так и записал — я, мотилюбивец и сакэнавистник, бедный пьяница, Человек с Едальной горы¹⁹ из Залы литературных сокровищ²⁰.

¹¹ Вероятно, автор был большой сладкоежкой. Здесь он вводит еще одну разновидность моти — со сладкой тянучкой (амэмоти 飴で餅). Используется иносказательно в значении «нечто особенно вкусное-хорошее».

¹² Эти два иероглифа 大窓 (атама) означают «верхнее окно» (окно в потолке или куполе), но произносятся омонимично слову «голова». Употребляется как сленговое обозначение головы — отсюда мой «чердак».

¹³ Макицу (кит. Моцзе 摩詰) — это великий Ван Вэй (яп. 王維, 699–759).

¹⁴ Ри Сикун (кит. Ли Сысион 李思訓, 651–716) — знаменитый раннетанский художник.

¹⁵ Начинаешь теряться: автор пишет словословие художнику или дает прозрачно завуалированный каталог моти-продуктов? «Сухие моти» (какимоти 欠き餅) — это разрезанные на ломтики, высушенные и запеченные моти. Поскольку они трещат во время их поедания, получается весьма выразительный образ задумавшихся мозгов.

¹⁶ Манга.

¹⁷ Каталог моти еще далек от завершения. Моти Большого счастья — это дайфуку моти 大福餅, моти с начинкой из сладкой соевой пасты, приносящие удачу.

¹⁸ С этими моти-моти обессиленный автор превзошел самого себя. Лэйн это место просто пропустил. Понять, что такое моти и и моти нэ (это написано азбукой, а не иероглифами, которые могли бы подсказать), невозможно без знания давних обычая, которые сейчас мало где соблюдаются. И — это亥 — зодиакальное обозначение кабана или свиньи. В старом календаре он обозначал не только год, но и месяц — десятый по счету, с которого начиналась зима. (Сейчас месяцем кабана условно считается ноябрь.) Для поддержания здоровья и правильной встречи зимы (и умилостивления легко свирепеющего кабана) полагалось изготавливать особые моти. Первым вкушающим в эпоху Хэйан, когда зародился этот обычай, был сам император. Нэ 猪 — это тот же кабан, только не зодиакальный, а совсем дикий, назовем его вепрем. Такие моти также делали в этот праздник. В какой-то момент этот праздник стал сочетаться с Днем раскрытия очага (робираки 炉開き), когда очаг для обогревания, установленный в комнате, затапливали в начале сезона (в начале месяца кабана) и готовили на нем наборы по три и-но моти и три нэ-но моти. Именно об этом пишет автор, а не о теплой печи (warmoven), как подумал Лэйн.

¹⁹ Так уместно перевести Сёкусандзин 食山人.

²⁰ Бумпō 文宝堂.

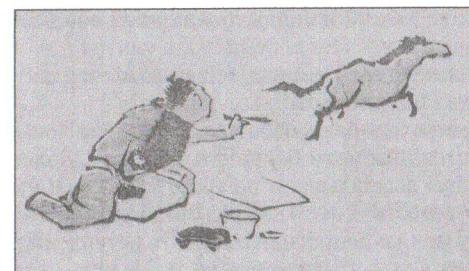

Рис. 2. XI-261

Рис. 3. XM, I-5r

реворачивает тяжелый шмат. Как правило, при этом присутствует группа зрителей, которые комментируют процесс и сменяют работников через определенные промежутки. Слева вверху за молотобойцем изображены квадратные емкости с вареным моти, томящиеся на печи в ожидании отбивания. Моти колотят и едят (с разнообразной начинкой, например, из растертых красных бобов — дайфуку, или без всякой начинки) круглый год, но особенно они популярны под Новый год, когда ритуал отбивания моти устраивают повсеместно, как правило, 29 декабря.

Похожую, но более развернутую композицию Хокусай изобразил еще по меньшей мере один раз (опубликовано в «Альбоме картинок Хокусая», «Хокусай гафу» 北斎画譜²¹).

Две малозаметные картинки в середине Начального выпуска изображают сцены, связанные с моти. Справа двое мужчин и женщина вокруг большого чана лепят сласти, набивая моти начинкой. В сценке повыше показан следующий этап: продавец с большой коробкой и перед ним клиент, выбирающий колобки себе по вкусу в маленькую коробочку.

В страничной композиции (MX, III-4r) Хокусай изобразил интерьер богатого крестьянского дома. На заднем плане слева стоят две огромные

²¹ Выпуск 1. Нагоя: Эйракуя, конец 1830-х. С. 15r-16l. Приводится моя фотография с позднего издания из собрания Британского Музея.

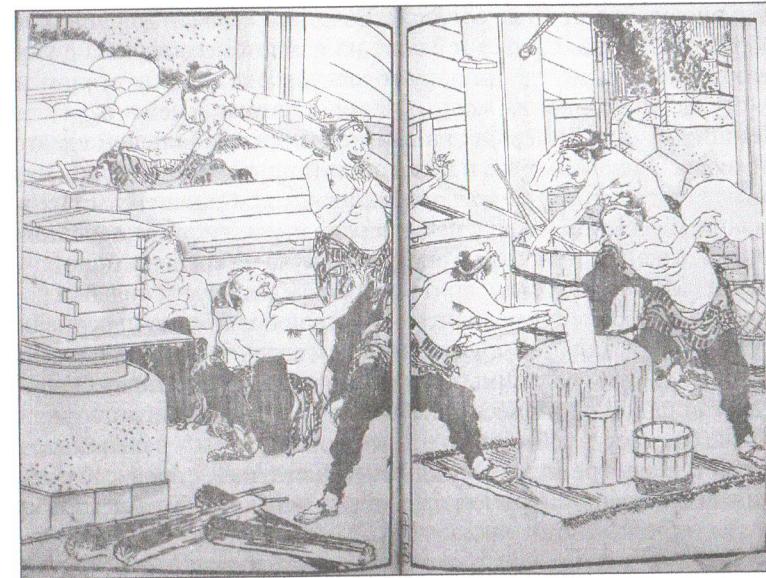

Рис. 4. Хокусай Гафу, I-1r-16l

Рис. 5. MX, I-111

бочки с рисом, оплетенные соломой. Сзади на столе — жернов и веялки для обработки зерна. Правее и ближе на печи стоит кадушка с тяжелой деревянной крышкой, где на пару готовится рис. Между столом и печкой — ступа для отбивания моти с двумя молотами в ней.

Женщина в центре держит на вытянутых руках большой шматок отбитого моти — она несет его к молодой женщине слева, которая над утопленным в полу очагом печет колобки из моти. Сзади ей дышит в шею привязанный за спиной младенец, впереди пыхает жаром жаровня — немудрено, что женщине жарко и она распахнула на груди кимоно.

Другая женщина, ближе к зрителю, распределяет эти колобки по чашкам, добавляя прочие ингредиенты и подавая беззаботно покуривающим мужикам. Изображая этот кружок из шести мужчин, Хокусай, как всегда, на высоте в передаче различных характеров и состояний: один бурно радуется, другой рядом с ним весь ушел в себя (с вполне медитационно выраженной на бедро ступней), кто-то ест, кто-то пьет, кто-то, вольно развались, покуривает. В центре между мужчинами, кстати, — приспособления для курения: высокая цилиндрическая пепельница для выбивания трубок, ря-

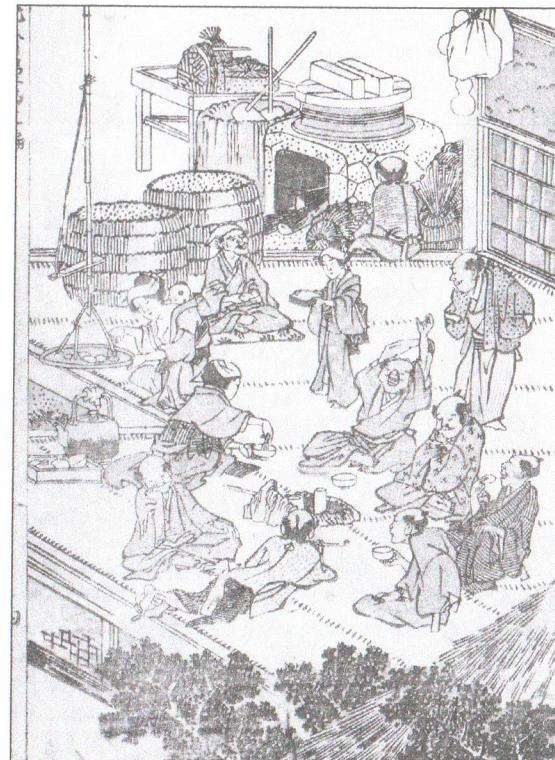

Рис. 6. ХМ, III-4г

дом емкость для тлеющих угольков (для раскуривания) на слое золы.

В следующей сценке Хокусай изобразил важный обряд, связанный с моти. Колоды, на которые замахнулся человек с топором, — это *кагами моти* 鏡餅, новогодние «зеркальные моти». Поскольку рубщик исполняет праздничный ритуал, он изображен в отменно неудобных шароварах *хакама*. *Кагами моти* представляют собой два сильно сплюснутых колобка, положенные один на другой. Считается, что они символизируют уходящий и наступающий годы, а также Инь и Ян, а еще солнце и луну. Перед Новым годом их помещают на домашний синтоистский алтарь и венчают диким горьким апельсином *дайдай* (это название омонимично слову «поколение»). В 11-й день первого месяца нового года (сейчас это обычно делают во второе воскресенье января) совершили ритуал «раскрытия зеркала» (*кагами бираки* 鏡開き) — при помощи топора, как изобразил Хокусай. Зачерствевшие до окаменения моти после этого поедали. С конца XIX в. во многих школах воинских искусств с обряда разламывания и поедания моти начинают первые тренировки в новом году.

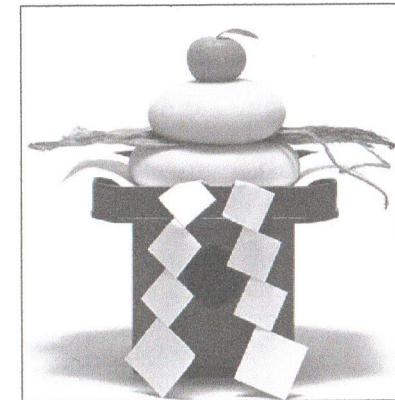

Рис. 7

Рис. 8. МХ, II-81

Внизу — сцена из пьески *кёгэн* «Нарихира и моти» («Нарихира моти» 楯平餅), где главным действующим лицом является знаменитый поэт и герой-любовник древности Аривара-но Нарихира (828–880). Как видно из рисунка, он вовсю и довольно неизящно поедает моти, а по ходу дей-

ствия выясняется, что он проявил массу остроумия, чтобы полакомиться бесплатно. Шутки в фарсах кёгэн часто основаны на игре слов.

Нарихира отправляется на поклонение в храм покровителя поэзии и по дороге останавливается отдохнуть. Появляется продавец моти и предлагает отведать его лакомства всем, кто выставит деньги. Последнее слово звучит баси — точно так же, как и «нога». Нарихира с готовностью выставляет вперед ногу. «Нет, не ногу, а деньги», — говорит продавец и для ясности употребляет другое слово — рёсоку. На беду, оно также звучит как «две ноги». Нарихира с готовностью протягивает ему обе ноги. Продавец терпеливо объясняет, что ему нужны деньги, а не ноги. «Ах, деньги», — говорит поэт и высокомерно заявляет, что благородное происхождение воспрещает ему даже дотрагиваться до денег, не говоря уж о том, чтобы носить их при себе. Вместо этого он предлагает расплатиться стишком. Мотипродавец уясняет, что перед ним знаменитый поэт и еще более прославленный дамский угодник, и предлагает в качестве платы взять на службу его дочь. Нарихира соглашается на нее посмотреть и, когда продавец уходит, поспешно набивает рот всеми моти из оставленной корзины. Продавец возвращается в тот момент, когда благородный кавалер усиленно давится, набравши в рот чересчур много липких колобков. Отец представляет ему свою дочь, но герой-любовник, едва отдохнувшись после скоростного заглатывания целой корзины моти, хочет только одного: спокойно переварить. Он пытается передать девушку своему зонтиконосцу, но тому деревенская красотка тоже не по нраву. Тогда два столичных гостя пытаются спастись бегством, а девушка бежит за ними и требует вознаграждения за съеденные моти. История незамысловата, но смешна — особенно публике, наверно, нравилось пародийное снижение классического образа светского донжуана и элегического певца тонких душевных переживаний. Кстати, существует перевод этого фарса на французский, и в нем моти называются галетами — хоть это по-французски и «лепешка», но все равно смешно.

Уже упоминавшуюся выше поговорку про моти иллюстрирует следующий разворот. Поговорка примерно переводится как «Мастер есть мастер» (или «Дело мастера боится»). Она читается: Моти-ва мотия 餅八餅屋 и буквально означает: «Настоящие моти только опытный мастер сделает». Здесь Хокусай продолжает ироническую галерею горе-мастеров Двенадцатого выпуска, которую начал рыбак-мастак, поймавший приятеля на крючок. В защиту незадачливого мотибояца можно, впрочем, сказать, что это не полностью его вина, что клейкое тесто намертво пристало к его молоту. Тесто надо было хорошо выдержать за ночь и умело кропить между ударами. Обилие пузырей показывает, что тесто еще далеко не кондиционное. Так что хозяйка, удерживающая из последних сил огромную бочку, чтобы та не взлетела на воздух, могла бы порадеть и получше. Другой мужичок, отлично вписанный в ромб из молота и тела держащего его умельца, похоже, рад передышке и спокойно себе покуривает. Однако ироническим изображением очередного неумехи Хокусай не ограничивается. Стоит обратить внимание на предметы заднего плана.

Рис. 9. ХМ, XIII-41

Справа — это печь, на которой стоят деревянные емкости для начальной обработки клейкого риса. Слева — готовые шматки моти в виде пухлых больших лепешек. Сложенены они по две и являются собой кагами моти. Ближайшее к зрителю (и к женщине) имеет непримерные размеры и странную борозду посередине. Справа от циновки с кагами моти, т. е. в середине композиции, лежит ступа. Ее визуально пересекает молот с налившим тестом. Ступка по-японски — суривати 摺り鉢. Во времена Хокусая этим словом при сленговом употреблении обозначали женские гениталии. Хокусай уже изображал однажды картинку с комическим стихотворением сэнрю, где обыгрывалась такая двусмысленность (в собрании

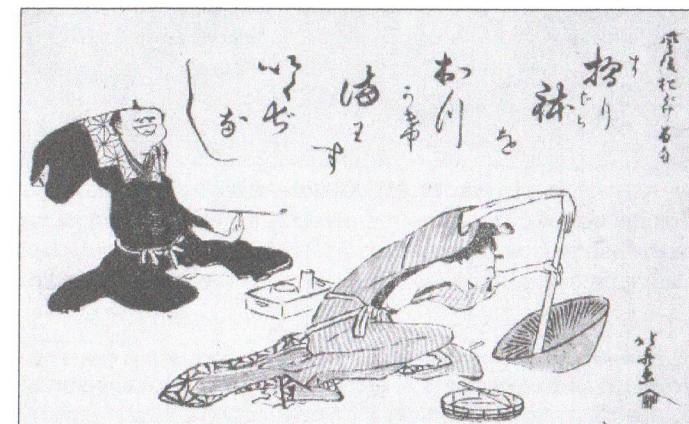

Рис. 10

«Сто шутливых двусмысленных стишков, «Фурю одокэ хякку» 風流おどけ百句, ок. 1811 г., из коллекции Британского Музея). Сэнрю выглядит так:

Сурибати-о
оккакэ мавасу
икудзи наси

«Ступкой» моей
вертеть
энергии нет

— и представляет собой ответ занятой хозяйством жены бездельнику мужу, который, вероятно, полез с несвоевременными предложениями.

Возможно, любитель рискованного юмора Хокусай намекает на то, что мужик с молотом не справился с непомерной для него ступкой-колодой и хочет вырваться, а женщина пытается его удержать. Поговорка «Моти ва мотия» — вольный перевод «Не можешь — не суйся» — уместна и для этой ситуации. А вообще это прекрасная композиция, которую Хокусай здесь повторил со своей картины, сделанной в 1823–1924 гг.

Вот такие *моти* отбили мы в этом кратком этюде в области литературной, визуальной, сексуальной и кулинарной антропологии.

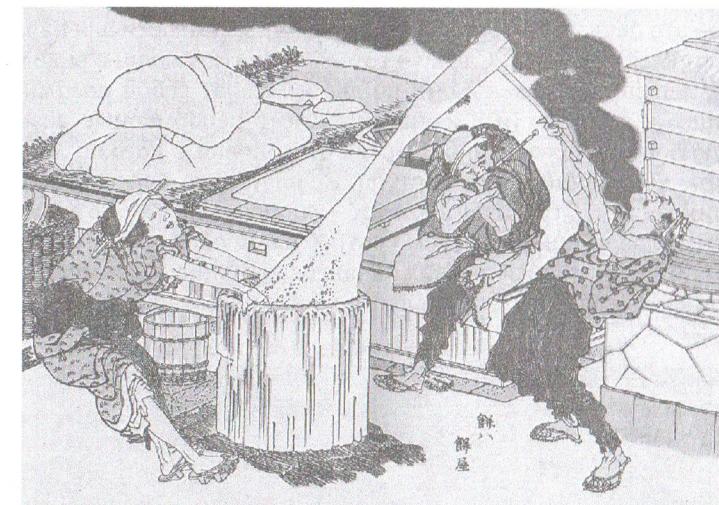

Рис. 11. MX, XII-201—21г